„БРЯНСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ"
г. БРЯНСК
9 ИЮ 1983

Равнодушие, «вещизм», социальная глухота... Откуда они берутся и как с ними бороться? Многое здесь может книга. Особое место сегодня отводится тем писателям, которые воспитывали и воспитывают человека в человеке, всем своим творчеством говорят, что истинными ценностями на земле были и остаются доброта, мужество, порядочность.

Один из таких писателей — Александр Степанович Грин, который постоянно боролся с так называемым «ожирением» души.

Об этом говорилось и на очередных всесоюзных Гриновских чтениях-83, прошедших в конце августа в Феодосии.

Редакция «Брянского комсомольца» приятно сообщить, что многие публикации о Грине, увидевшие свет на страницах газеты (так, например, впервые в стране нами были опубликованы воспоминания М. В. Шамплинской), пользуются у исследователей жизни и творчества писателя заслуженным вниманием и служат предметом самого пристального научного анализа...

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию еще несколько малоизвестных страниц из жизни Грина.

А. ГРИН

ПАСХА НА ПАРОХОДЕ

ЛЕТ десять тому назад я плавал матросом второго класса на товаро-пассажирском пароходе «Цесаревич» Русского общества пароходства и торговли.

Канун праздника застал нас в Хиосе. Боцман Солдатов, громогласный, полный мужчина, переломавший, согласно преданию, ребра двум или трем штурманским ученикам, сходил с ума. Мания чистоты — обычное помешательство боцманов — не давала ему покоя, и он, засучив штаны, босой, метался с брандспойтом из стороны в сторону, немилосердно поливая теплой морской водой все, что попадалось ему на глаза: борта, «панцирь» ватер-вейс, площадку, парусинные чехлы шлюпок и даже мачты. И десять босоногих хохлов-матросов, потея от злости, растирали длинными щетками залитую водой палубу.

После этой основательной операции, а также после чистки «медяшки» (всех медных пароходных частей) наше старое судно заблестело, словно его покрыли сусальным золотом. Все было мокрое, чистое и яркое.

Тем временем в кубрике возился артельщик, распаковывая маленькие куличи (по одному на человека), заказанные в Хиосе еще раньше, когда мы плыли в Александрию. Теперь, на обратном пути, они вместе с игрушечными же пасхами были готовы, и привезли их сладколицые греки запакованными в два огромных деревянных ящика.

Пока артельщик возился, приготовляя стол, мы изредка появлялись в кубрике, делая вид, что что-то забыли под подушкой, на самом же деле из ящиков так вкусно пахло сладким печеньем, а к толстой кукурузной соломе приставали такие аппетитные куличные корочки, что редкий из нас не разговелся раньше праздника, ковыряя воровским пальцем низок куличей, выковыривая оттуда мякиш, и снова, как ни в чем не бывало, вываливались на палубу.

Пассажиров мы на обратном пути в Одессу везли немного, меж ними было только два русских — молодые биологи. Ездили они в Танжер для изучения каких-то тамошних насекомых, но были любознательны не только в своей специальности. Сухопарые, очкастые, длинноволосые, фигуры их шатались по пароходу, выспрашивая у нас разные технические названия рангоута и такелажа. Помню еще богатого англичанина, купившего три ящика апельсинов в Триполи, — он собственноручно, с добродетельным выражением лица раздавал их матросам, думая, должно быть, что нас плохо кормят (русские, что может быть у них хорошего?). Мы сконфуженно кланялись, принимая каждый по одной штуке. Ехали еще несколько итальянцев, голодных и черномазых, уныло заглядывавших в кухню, и грек Хоропуло, торговец кофеем, устраивавший у нас на пароходе каждый рейс походную кофейню. Его вместе с его деревянной будкой подымали лебедкой на палубу, и он сидел целые дни, потягивая кальян и разливая в микроскопические чашки черный, как вакса, кофе.

На другой день, проснувшись, мы почувствовали себя в России. Наш длинный стол, накрытый белой, как снег, скатертью, ломился от яств и пития. Шестьдесят куличей и паск занимали одну его половину, другая была занята горами нарезанного малороссийского сала, ветчины, колбас, пшеничного и маисового хлеба и традиционными красными яйцами. Артельщик сиял. Мы сияли. Огромные, полуведерные бутылки с красным вином и водкой прятались под столом. Горела лампадка. В кубрике было прохладно, полутемно, пахло едой, морем, просмоленными тросами. Матросы, одетые в новенькие белые блузы и тщательно выстиранные тельняшки, разговаривали о... еде, но ведь нас так долго кормили постным борщом со снетками, что некоторый энтузиазм в этом отношении допустим.

Часам к одиннадцати пришел капитан, за ним старший помощник, младшие помощники и штурман. Начальство глядело на нас торжественно, мы тоже. Спели «Христос воскресе», похристосовались с начальством, и оно внушительно удалилось в кают-компанию, где меж цзетов и нескольких дюжин шампанского вспомнило старую добрую Россию с ее сытным, хмельным, умилительным и простосердечным праздником.

Затем память мне несколько изменяет. Дело в том, что появилась откуда-то греческая «мастика», напиток чрезвычайно нелепый. Смешайте водку с мылом, и вы получите о ней некоторое представление. Я пил, может быть, много и поэтому отказываюсь судить, кипрское ли вино или мастика привела нас в праздничное настроение. Очнулся я на баке, под колоколом.

Пестро было вокруг и весело на душе. Разноцветные смуглыши бродили по палубе, соленый ветер распирал грудь, нежное, совсем голубое Средиземное море уходило к Хиосскому порту, где белели крошечные домишки, пекло солнце, ленивая полуденная музыка голосов гнала в сон.

Покачиваясь, спустился я в кубрик.

Большинство спало, храпя во все носовые завертки, по койкам. Три матроса, совсем навеселе, сидели у стола, против них помещались биологи. Один из них толковал глупым глазом усатого Пошегорьева, неспособного, вероятно, в этот момент завязать даже буксирный узел, сложную гипотезу развития человеческого зародыша. Лекция его сопровождалась беспощадным истреблением сала и колбасы. Другой приналег на сыр, запивая его большими кружками «мастики» и время от времени пытаясь рассказать непослушным языком о каком-то различии между двукрылыми и четырехкрылыми.

— Как вы учены-то!.. — говорил Пошегорьев. — А скажи, милый, отчего происходит корень? А корень откуда? Растительность из корня, так! А корень откуда? Не умещается он в зерне, милый, да!

Биологи целовались с нами, говорили, что бог есть и что на ученых врут, будто они безбожники.

А кончилось очень просто — уснули мы все на полу, ученые и неученые, крепко обнявшись друг с другом в одном тесном клубке.

И забыл я про мастику.

А. С. ГРИН.

газ. «Утро Сибири» (Чита), 1910, 28 апреля.

Публикация **Вал. Дмитриева.**